

ОБЗОРЫ

Е.Л. Березович

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В РАБОТАХ ПО ОНОМАСТИКЕ (1987–1998)*

Тезис о культурно-исторической ценности собственных имен не нуждается в доказательствах и представляется аксиоматичным для многих исследователей, занимающихся ономастикой, ср., к примеру, материалы проведенного 5 лет назад анкетирования по теме “Имя и культура” [Материалы к серии ... 1993, 245–250], участники которого пришли к необходимости “теоретического обоснования (ономастики) как науки, теснейшим образом связанной с человеком: в ономастической картине мира воплощается характер культуры каждого этноса и каждого человека – имядателя” [там же, 3]. Однако декларирования данного факта недостаточно; необходима выработка методологии извлечения культурно-исторической информации из ономастикона того или иного народа, а также описания и интерпретации этой информации. Понятие *культурно-исторической информации* само по себе неоднородно и включает несколько взаимосвязанных блоков: информация об этнической истории, о социальной жизни, о материальной культуре народа, о духовной культуре. Если первые три типа информации выражены в языковом материале (в том числе ономастическом) достаточно эксплицированно (что, естественно, не исключает больших трудностей при их интерпретации – особенно если речь идет об этнической истории), то четвертый представлен имплицитно, требуя наибольшей разработанности самой процедуры извлечения материала. Информацией этого типа преимущественно занимается этнолингвистика – “дисциплина, которая изучает язык сквозь призму человеческого сознания, менталитета, бытового и обрядового поведения, мифологических представлений и мифопоэтического творчества” [Толстой, Толстая 1995, 5] (или, в иной формулировке тех же авторов, “комплексная дисциплина, изучающая традиционную народную духовную культуру и ее отражение в языке” [там же, 488]). Эту трактовку предмета этнолингвистики можно считать наиболее авторитетной в отечественном языкознании, ибо за ней стоит интенсивно и плодотворно работающая научная школа (школа акад. Н.И. Толстого). Кроме того, при таком подходе предмет науки становится обозначенным достаточно четко, отделяясь от смежных лингвистических дисциплин – социолингвистики, психолингвистики и т.п. (конечно, это не исключает их взаимодействия и взаимопроникновения). По этой причине приведенное выше суженное понимание предмета науки представляется более целесообразным, чем широкое определение А.С. Герда, для которого “предмет этнолингвистики – язык в его соотношении с этносом и этнос в его отношении к языку”; “цель этнолингвистики – показать, как язык в разных формах его существования, на разных этапах его истории влиял и влияет на историю народа, на положение того или иного этноса в современном обществе” [Герд 1995, 3, 5].

---

* Работа выполнена при содействии Программы поддержки научных исследований Института “Открытое общество” (RSS/OSSF), грант №: 200/1999.

Данный обзор посвящен этнолингвистическому аспекту (понимаемому в духе Н.И. Толстого) ономастических исследований, появившихся в нашей стране в течение последнего десятилетия. Заявленная проблематика весьма обширна; она несомненно требует включения в обзор работ общетеоретического плана, а те труды, которые посвящены конкретным разрядам ономастики, будут привлекаться с ограничением: в сферу нашего внимания попадут только исследования по самым представительным разрядам – топонимии и антропонимии.

Сначала коснемся вопроса о термине. Следует признать, что термин *этнолингвистика* в том понимании, которое закрепилось в работах школы Н.И. Толстого, практически отсутствует в трудах по ономастике. Этот термин употребляется в ономастической литературе последних десяти лет в двух смыслах. Во-первых, этнолингвистическим анализом нередко считается атрибуция топонимов как фактов языка определенного этноса, при этом цель исследования состоит в *этнолингвистической стратификации топонимов*, – т.е. в выделении в топонимическом континууме той или иной территории этнически разной топонимии [ср., например: Арсланов 1992; Афанасьев 1989; Черепанова 1991]. При таком понимании этнолингвистический аспект по существу сводится к *этногенетическому* (хотя, естественно, и такая трактовка сути этнолингвистического анализа вполне закономерна). В топонимической литературе встречается и другое употребление термина *этнолингвистическое исследование*, когда под последним понимается *выявление и интерпретация этнотопонимов* – т.е. топонимов, образованных от этнонимов [Этническая топонимика 1987, 3; Мусабекова 1987 и др.].

Таким образом, можно констатировать несоответствие в понимании термина *этнолингвистика* ономастикой и “апеллятивной” лингвистикой. Несмотря на отсутствие соответствующего термина, этнолингвистические по своей сути задачи ставятся в целом ряде работ. Наиболее многочисленная – труды, в которых заявлен лингвострановедческий подход к анализу имени собственного [Аникина 1988; Белая, Зайченко 1989; Бирилло 1995; Бондалетов 1993; Верещагин 1991; Леонович 1991; Митрофанов 1992; Ощепкова 1995; Томахин 1989, 1991; Шабанова 1994].

Лингвострановедческий подход предполагает выявление фоновых знаний, связанных с именем собственным, которое рассматривается как “отправная точка, средоточие целого ряда синхронных ассоциаций, объективирующих живое сознание членов этнокультурно-языковой общности” [Верещагин 1991, 44]. Такой подход задает, во-первых, сугубо синхронный характер исследования, во-вторых, привлечение к анализу далеко не всего ономастикона, но только тех имен, которые обладают особой значимостью для национальной культуры [там же, 44], значение которых “определяется типизированным образом, сложившимся в национальном сознании” [Ощепкова 1995, 24]. Эти значимые для лингвострановедения онимы называются также *именами-реалиями* [там же].

Лингвострановедчески ориентированные имена противопоставляются остальному ономастическому континууму: “Если знания локальной топонимии ... человек получает от окружающих, то названия, входящие в лингвострановедческие фоновые знания носителя данного языка и культуры, приобретаются в основном через школу, прессу, средства массовой информации” [Томахин 1989, 83–84]. Приведем примеры тех ономастических фактов, которые попадают в поле зрения исследователей при таком подходе: *Робин Гуд*, *Биг Бэн* (для Великобритании), *Нэд Келли*, лошадь *Фар Лан* (для Австралии), *Москва*, *Стенька Разин* (для России). Кроме того, задействуются и факты литературной (в т.ч. фольклорной) ономастики: город *Глухов*, *Чевенгур*, остров *Буян*, *Илья Муромец* [Верещагин 1991, 46; Шабанова 1994].

В центре этнолингвистического исследования любого типа стоит вопрос о формах презентации национально-культурной специфики в структуре языкового знака. Для лингвострановедения таким носителем является *фоновая семантика* имени. По одному из определений, фоновое-коннотативное значение имени есть “совокупность социально-значимых

ассоциаций, обусловленных национальной культурой и представляющих собой сумму прошлых речевых и контекстных определений в пределах языкового коллектива" [Аникина 1988, 7]. В работе М.Н. Аникиной, посвященной лингвострановедческому анализу русских антропонимов, можно найти развернутое описание структуры фоново-коннотативного значения, куда включаются 4 компонента: формальный, ситуативный, социально-исторический, индивидуально-ассоциативный. *Формальный* компонент является отражением системного в содержании слова, *ситуативный* компонент охватывает субъективно-оценочные и функционально-стилистические коннотации, *социально-исторический* компонент включает культурно-исторические ассоциации (происхождение, возраст, социальная окраска, эстетический признак, частотность), *индивидуально-ассоциативный* компонент предполагает наличие многочисленных ассоциаций в сознании носителей языка, соотносящих имя с известными историческими деятелями, литературными героями и т.п. [Аникина 1988, 7–9]. Сходного понимания структуры фонового значения придерживается Е.М. Верещагин, выделяя два вида национально-культурной информации, заложенной в имени, – *индивидуальную* и *групповую* (формирующую ассоциативные связи на различных основаниях: по возрасту имени, по стилевой принадлежности, по включенности в широко известные литературные, изобразительные или музыкальные произведения, по соотношенности с православием или мусульманством и т.п.) [Верещагин 1991, 45].

Оценивая продуктивность данного подхода к выявлению национально-культурной специфики имени собственного, отметим, что он имеет несомненную методическую значимость в плане обучения иностранцев чужому языку и ознакомления с чужой культурой. Несомненна также ценность лингвострановедческих ономастических словарей; ср., в частности, проект лингвострановедческого словаря В.Д. Бондалетова "Русские имена", в словарных статьях которого предусмотрена культурно-репрезентативная часть (сюда входит информация, ассоциирующаяся с антропонимом: реальные носители имени, носители имени и образованные от него фамилии в художественной литературе, фольклорные персонажи, имя в составе пословиц, поговорок, загадок, устойчивых выражений, афоризмов) [Бондалетов 1993, 80]¹. В то же время общетеоретическая ценность лингвострановедческого подхода, как представляется, не столь высока. Во-первых, смущает установка на поиск особых "имен-реалий", наделяемых национально-культурной спецификой и противопоставляемых остальным онама. Непонятно, по каким критериям должно производиться выделение таких имен: очевидно, эти критерии могут быть только экстралингвистическими, ибо имена-реалии выделяются на общем ономастическом фоне особой известностью. "Известность" же с трудом поддается научному анализу (разве что может выявляться путем масштабных социологических опросов): к примеру, имя *Иван Грозный* явно должно причисляться к разряду имен-реалий, а как быть с именем *Андрей Курбский*? Как оценить известность антропонимов *Хлопуша*, *Меньшиков*, *Пуцин* (при несомненной "реальности" ассоциативно с ними связанных имен *Пугачев*, *Петр Первый*, *Пушкин*)? Если *Дон* – гидроним-реалия, то является ли таковой название его притока – реки *Потудань*? И можно ли считать *Потудань* реалией на основании того, что этот гидроним включен в произведение А. Платонова? Данные вопросы, повторимся, по сути своей не лингвистичны; единственный собственно лингвистический критерий, который можно было бы предложить для оценки известности онама, – это способность имени к образованию вторичных (переносных) значений, т.е. к деонимизации (ср. вторичные значения топонимов *Вавилон*, *Сибирь*, *Камчатка*²). Но тогда возникает замкнутый круг: слово, возникшее в результате процесса деонимизации, перестает быть именем собственным.

Во-вторых, недостаточной представляется трактовка национально-культурной специфики как ассоциативного фона имени. Ассоциативный фон – самая "эфемерная" и перифе-

¹ По аналогичным принципам строятся ономастические словари, предлагаемые Г.П. Смолицкой (хоть они и не названы лингвострановедческими) [Смолицкая 1995].

² О культурном потенциале имен такого типа см.: [Живоглядов 1993].

рийная зона семантического потенциала слова; ассоциации зачастую не могут быть лингвистически верифицированы, “отодвигаясь” в сферу неязыковой (энциклопедической) семантики [см.: Кузнецов 1992]. Сводя национально-культурную специфику имени собственного только к ассоциативному фону, мы отказываем последнему в праве на более глубинное проявление идиозтнического своеобразия, корнящегося в закономерностях самой организации семантического пространства онома.

Очевидно, по соображениям, аналогичным вышеприведенным, В.П. Нерознак дал критическую оценку лингвострановедческого подхода, назвав его “туристическим” [Нерознак 1995, 5]. Однако альтернативная программа в его работе четко не просматривается (возможно, вследствие её малого объема). Предлагая заменить лингвострановедение новой комплексной дисциплиной “национально-культурного цикла” – лингвокультурологией, В.П. Нерознак отмечает, что ономастика является разделом лингвокультурологии, исследующим этнокультурную специфику имени собственного [там же, 4]. В качестве примера идиозтнической специфики имени автор приводит антропонимическую триаду *Иаков – Яков – Яков*, считая, что каждый из вариантов имени маркирован принадлежностью к национально-культурно и конфессионально ориентированному ономастикону. Тем самым имя подается как этнический и социальный знак – что в общем-то не ново для ономастики. Лингвокультурологическая проблематика трактуется автором очень широко: коррелирующее в национально-культурном аспекте с лингвокультурологией ономастическое расследование должно включать в себя историческую географию, историческую лексикологию, историческую диалектологию, археологию, генеалогию [там же, 5–6]. Лингвокультурологически значимой оказывается преимущественно энциклопедическая (экстралингвистическая) информация, стоящая за именем; если же выделять собственно языковой аспект таких исследований, то он состоит в этимологизации и этноязыковой интерпретации имени (ср. приводимый автором в качестве примера репрезентации ономастики как этнокультурной дисциплины собственный историко-топонимический словарь [Нерознак 1983]). Данный подход демонстрирует широкое понимание предмета лингвокультурологии (настолько широкое, что, по сути, любой аспект традиционных ономастических исследований может считаться лингвокультурологическим), при этом теряется, не будучи акцентированным, аспект, являющийся магистральным для узкого понимания этнолингвистики, – отражение в имени духовной культуры народа.

К описанным подходам – лингвострановедческому и лингвокультурологическому – примыкает концепция М.В. Горбаневского [Горбаневский 1989; 1991; 1994; 1996]. В одной из работ [1994] автор говорит о намеченных им “новых путях к пониманию топонима как имени собственного” [Горбаневский 1994, 22]. Суть этого понимания раскрывается так: “Нами определен новый феномен смешанного (лингвистического и экстралингвистического) характера: любой топоним – это компонент реальной системы географических названий (принадлежащих данному этносу и его истории, культуре, территории проживания и пр.), обладающих общей языковой историей и, в то же время, отдельной историко-культурной биографией” [там же]. Отметим, что принципиальная новизна данной формулировки отнюдь не бесспорна. Развивая свою концепцию, автор приходит к пониманию сущности топонима как “определенного свернутого (компрессированного) текста, который в разных формах и в разном объеме разворачивается нами ... в устной и письменной речи и представляет собой основной корпус как наших экстралингвистических (фоновых) знаний, ассоциаций, представлений об объекте (улице и т.д.), так и имеющейся лингвистической информации о топониме” [там же, 24]. Этот текст понимается как разновидность текста культуры [Горбаневский 1996, 178]; он организован несколькими составляющими – автономными единицами знания, которые автор предлагает называть *текстовыми модулями* топонима. Таких модулей несколько: *адресно-идентификационный, хронологический, этимологический, историко-культурный, перифрастический, нормативно-речевой (с несколькими конкретными разновидностями), структурно-словообразовательный, текстовый (ассоциа-*

тивно-текстовый) [Горбаневский 1994, 25]. В плане интересующей нас проблематики следует обратиться к историко-культурному модулю, который “формируется как знаниями (представлениями, ассоциациями) о самом названии (прежде всего – топооснове), так и знаниями, представлениями, ассоциациями об объекте ... за которыми данное наименование исторически и социально закреплено”; историко-культурные знания распределяются на два подвида – общие (универсальные) и индивидуальные (ситуативные) [Там же, 27–28]; иными словами, топонимическая культурно-историческая информация сводится к фоновым знаниям [Горбаневский 1996, 220]. Представляется, что предпринятая автором разработка текстовой структуры топонима весьма продуктивна в плане обобщения накопленных в топонимике сведений об аспектах языкового значения имени собственного и особенностях его реализации в речи, однако трактовка культурно-исторического модуля практически ничем не отличается от рассмотренной выше лингво-страноведческой концепции имени собственного (укажем, что автор как раз подчеркивает преемственность своего подхода по отношению к концепции Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова [Горбаневский 1994, 25]).

В другой работе М.В. Горбаневского [1991] обозначены несколько подходов к решению задачи описания “национальных образов в топонимии Москвы” (задача по сути своей этнолингвистическая!): *географический* (выявление национальных географических топооснов на карте Москвы), *этнонимический* (описание истории названий, произведенных от этнонимов), *этимологический* (исследование языковой принадлежности апеллятивных основ в топонимии Москвы), *историко-культурный*, *пространственно-ориентационный*, *религиозный*, *политико-популистский*, *мифологический*, *философский* [Горбаневский 1991, 28]. Некоторые из приведенных выше формулировок весьма малопонятны: трудно представить, как можно было бы реализовать, например, мифологический подход к описанию “национальных образов в топонимии Москвы” и от кого (чего) ожидается “мифологичность” – от исследователя (это диктуется самой формулировкой) или от описываемого им материала. Оценивая в целом данный перечень, следует отметить, что он включает в себя едва ли не все аспекты работы с именем собственным, – при этом этнолингвистический аспект опять-таки совершенно нивелируется. Такая постановка вопроса диссонирует с суждениями автора на то, что “в отечественной топонимике (и ономастике в целом) в большей степени разработана теория и практика изучения географических названий в лингвистическом и социальном аспектах, чем в аспекте культурно-историческом” [Горбаневский 1989, 11], и с намерением разработать этот аспект.

Гипотеза о том, что имя собственное является свернутым национально-культурным текстом, представлена также в работе Ю.А. Гурской [1996]. Для ее доказательства автор приводит результаты проведенного им в Белорусском госуниверситете эксперимента, участникам которого было предложено спонтанно назвать 10 наиболее значимых с их точки зрения имен, являющихся знаками, символами русской и белорусской культур. Результаты данного исследования, как представляется, имеют преимущественно культурологическое значение. К примеру, автором обнаружено, что русский культурный текст составлен, в основном, именами поэтов, писателей, мыслителей XIX – нач. XX века, что в качестве особо значимых названы имена А. Пушкина, Петра Первого, ассоциирующиеся с вхождением русской нации в европейскую культуру [Гурская 1996, 58]. Безусловно, данные такого рода помогут выявить культурные, социальные и политические приоритеты респондентов (и будут различаться в зависимости от образования, возраста и других социальных характеристик испытуемых), но собственно лингвистического прироста исследование не получает. Мы вновь встречаемся с тем, что национально-культурное своеобразие рассматривается с внешних по отношению к самому имени позиций, не позволяющих выявить специфику репрезентации в имени духовной культуры народа.

Можно назвать несколько исследований, где последняя проблема заявлена напрямую.

В статье Н.К. Фролова “Отражение понятий духовной культуры в региональной системе русской топонимии” отмечается, что понятие духовной культуры является совокуп-

ным признаком замкнутого семантического поля, которое образуется “идеологическими мотивами, нашедшими место в топонимической лексике” [Фролов 1984, 91]. Автор выделяет следующие группы названий, входящих в это семантическое поле: 1) топонимы, выражающие социальные мотивы, внутренним содержанием которых являются посессивные отношения (*Боярская, Крестьянка, Колхозный* и т.п.); 2) топонимы, обозначающие профилактические мотивы и коннотирующие скрытые предупреждения (суеверия) об опасности (*Проклятая, Пьян-река, Черторой, Шайтанка*); 3) топонимы, связанные с отражением церковно-религиозных мотивов (*Благовещенская, Покровское* и т.п.); 4) топонимы, репрезентирующие эстетические мотивы (*Благодатное, Мысли, Усталое, Голубой Дунай, Щеголь*); 5) топонимы, содержащие меомориальные мотивы, т.е. сохраняющие память об именах известных революционеров, ученых и других деятелей (*Алябьева, Кирова, Мичурино*); 6) топонимы, содержащие идеологические мотивы современной эпохи (*Возрождение, Октябрька, Прогресс*) [там же, 92]. Думается, что данный перечень далеко не исчерпывает всех возможностей репрезентации духовной культуры в топонимическом материале (кстати, посессивные отношения вряд ли стоит считать проявлением духовной культуры – они скорее относятся к социально-экономической сфере).

В работе Г.М. Керта [1995], выполненной на материале саамской топонимии, выявляется своеобразие “топонимного видения”, в котором обнаруживается менталитет саамов. По мнению автора, проявлением “топонимного видения” (для обозначения этого феномена используется также термин “топонимное сознание”) можно считать тонкую номинативную градацию особенностей ландшафта: в саамской географической лексике имеется более 20 терминов для обозначения водных объектов и свыше 30 терминов для наименования гор. Кроме того, в топонимиконе саамов проявляется “дружеское расположение” к наименованиям географических объектов, за которым стоит бережное отношение к среде обитания. Внешне это выражается в большом количестве топонимических деминутивов, которые наиболее распространены в гидронимии [Керт 1995, 71].

В сходном направлении рассуждает Е.Н. Варникова [1995], которая отмечает большое количество уменьшительно-ласкательных и экспрессивных названий в русской топонимии Среднего Посухонья. Исследовательница считает, что топонимия отражает внимание северных крестьян к природе и умение ценить ее красоты, доказывая это топонимическими фактами такого типа: пок.*Березовки*, паш. *Ключевое*, паш. *Журавли*, паш. *Красотка* и т.п. Наиболее ярко единение человека и природы, по мнению автора, проявляется в гидронимах-олицетворениях: руч. *Лежебок*, р. *Ленивица* и др. [Варникова 1995, 114–115]. Аналогичную аргументацию использует Н.И. Кривова, которая ставит в своей работе задачу “рассмотреть, как отражается в языке, в сельских микротопонимах мир русского крестьянина, черты его национального характера” [Кривова 1997, 55]. Решая ее, автор констатирует факт отражения в топонимии реалий окружающего ландшафта, в номинации которых прослеживаются свойственные русскому человеку “наблюдательность, стремление к прекрасному, добрый юмор, веселую насмешку и неизбывный оптимизм русского народа” [Там же, 56]. Об этих качествах свидетельствуют названия типа *Кавказ, Крым, Раскат, Подгора* и др. (правда, непонятно, каким образом названия такого типа отражают “неизбывный оптимизм”). Думается, что отмеченные особенности скорее универсальны, нежели идиозмичны: любой народ, тесно взаимодействующий с окружающей природой, проявляет наблюдательность и номинирует ее элементы, используя названия типа *Березовки, Ключевое* или *Подгора*; факт наличия в топонимической системе эмоциональных и образных названий тоже отнюдь не национально специфичен (другое дело – характер отбора образов, идеографическое своеобразие сфер образного отождествления и т.п.). Ср. также суждение С.П. Васильевой о способности микротопонимии сибирской деревни запечатлеть менталитет сибирских первопоселенцев, доказываемое тем, что “географические названия отражают все, что имело значение для человека на небольшом обжитом пространстве” [Васильева 1997,

151]. “Укрупнив” выводы такого типа, мы получим аксиому “язык отражает мир”, которая, думается, не нуждается в комментариях.

В работе Т.А. Чичкановой [1995] урбанизация Самары рассматривается как источник изучения ментальности городской провинции. Делаются выводы о высокой для провинциального города степени образованности (об этом, по мнению автора, свидетельствует наличие судов с названиями “Пушкин», «Иван Грозный», «Владимир Мономах»³), о высокой степени “европеизации” города (ср. названия магазинов, гостиниц “Сан-Ремо», «Метрополь», «Парижский Шик”), о своеобразной амбивалентности психологии жителей Самары, которая проявляется в наличии “комплекса неполноценности” и вместе с тем “комплекса духовного самодовольства” [Чичканова 1995, 48]. Последний тезис в исследовании никак не комментируется и не аргументируется; остается только гадать, каким образом городская топонимия манифестирует «комплекс неполноценности” ее создателей.

С.А. Попов также ставит проблему отражения русской ментальности в географических названиях. Автор считает, что архетипическая модель мира, лежащая в основе менталитета русского человека, составлена комплексом представлений об основных параметрах Вселенной – пространственно-временных, количественных, семантических, этнических (непонятно, что есть в этом ряду “семантические параметры Вселенной”); этот комплекс может быть представлен “способом описания, именуемым системой бинарных оппозиций, связанных со структурой пространства (верх-низ, левый-правый, ближний-дальний и т.д.)” [Попов 1997, 206]. Думается, что предлагаемый автором способ описания никак не сможет охватить весь комплекс представлений о параметрах Вселенной; спасительное “и т.д.” поставленное автором после перечисления трех пар бинарных оппозиций, таит в себе немногие возможности. Даже пространственные параметры, которые – в силу специфики самого пространства – в наибольшей степени релятивны, а значит, тяготеют к бинарности и, шире, к разным проявлениям системной организации, не могут быть описаны исключительно через оппозиции (допустим, модели, описывающие изолированное, необычное местоположение объекта, не вписываются в сетку биномов).

Изменения ментальности, по мысли автора, сопровождается изменениями в процессе номинации топообъектов. В качестве примера автор приводит широко известные факты переименований в первые годы Советской власти (Богородск → Ногинск, Санкт-Петербург → Ленинград и т.п.) [там же, 206–207]. Факты такого рода анализируются в большом количестве работ по ономастике [например: Горбаневский 1991; Мезенко 1995; Минкин 1993; Нерознак 1989; Нерознак, Горбаневский 1991; Суперанская 1992; Топоров 1991; ср. также проблематику многих статей и тезисов докладов, представленных в сборниках: Исторические названия – памятники культуры 1989; 1991; Исторические названия – память народа 1990; Топонимия и общество 1989 и др.]. Почву для размышлений дают и появившиеся недавно топонимические словари, содержащие материалы по переименованиям [например: Городские имена сегодня и вчера 1990; Пospelов 1993].

Безусловно, переименования в первые годы Советской власти (в той же степени, как и переименования последних 10–12 лет) свидетельствуют об изменении мышления носителей топосистемы. Однако это “лобовое” и лежащее на поверхности свидетельство, для фиксации которого не требуется значительных исследовательских усилий (в то же время обращение к этой теме естественно и во многом обусловлено, как сказал бы М.В. Горбаневский, “политико-популистскими” причинами, вмешательство которых в “высокую науку” последних лет представляется неизбежным).

Наиболее глубокий анализ проблема переименований в русской ойконимии XX века получила в работе В.Н. Топорова [1991], выполненной на материале названий поселений Калининградской области. Автор не просто привлекает географические названия для иллю-

³ Трудно представить себе городскую провинцию России с настолько низким уровнем образования, чтобы эти имена не были известны.

страции самоочевидного тезиса о смене политических, социальных и культурных ориентиров, но и выявляет конструктивные принципы старого и нового именника, их смысловые доминанты (ср., например, идею о том, что старый топонимикон нес “информацию о прошлом этой земли и о тех устойчивых особенностях ее, которые сохранились и в настоящем, взамен чего предлагается “оптимистическая” картина будущего, впрочем, достаточно примитивного и, главное, не имеющего шансов состояться”) [Топоров 1991, 12].

К сожалению, работы, в которых поставлена задача выявления идиотнической специфики имени, базирующегося на рассмотрении глубинных конструктивных принципов организации ономастикона, немногочисленны.

К примеру, А.Ф. Журавлев, разрабатывающий этнолингвистическую проблематику разнообразно и плодотворно, анализируя весьма своеобразный разряд антропонимии – *регионально-территориальные прозвища* (“микроэтнонимы”), приходит к выводу о том, что “совокупность признаков, являющихся мотивационной базой “микроэтнонимии”, должна рассматриваться как внутренняя, производимая самим объектом этнографической науки, рубрикация этносоциального пространства и тем самым как конкретная основа этнической (субэтнической) самоидентификации” [Журавлев 1995, 51]. В другой работе [1993] этот автор рассматривает антропонимию в связи с ее способностью отражать аксиологию народа. При этом он обращается к посвятительным и благопожелательным именам славянского антропонимикона, выделяя те их компоненты (**bog-*, **bolg-*, **dobro-*, **dom-*, **dorg-*, **gьrd-*, **xval-*, **lub-*, **mil-*, **mir-*, **mysl-*, **vold-* и др.), которые связаны с ценностными установками, характерными для данного социума и преломляющимися в идиотнических способах языкового упорядочения мира» [Журавлев 1993, 114].

Элемент праславянского антропонимикона **mir-* детально и глубоко анализируется В.Н. Топоровым. Интерес к древней славянской антропонимии естествен для исследователя (являющегося одним из основоположников современной этнолингвистики, проблемы которой разрабатываются им преимущественно на материале архаических языковых фактов) и объясняется тем, что “острие стрелы “антропоцентрической” эволюции в известный период определяло именно имятворчество, открытие человека через его имя” [Топоров 1993, 10]. Автор считает, что “*mir-текст*” реализует “*mir-систему*”, которая имеет “парадигматически-описательное, “объясняющее” и целеполагающе-приписывающее, путеуказующее назначение как в мире материального, так и в мире духовного” [там же, 4].

Весомый вклад в разработку изучаемой проблематики внесла Т.В. Топорова, проанализировавшая древнегерманские двучленные имена собственные в связи с отражением ими картины мира германцев. Обращение к ономастическому материалу автор обосновывает тем, что *nomina propria* занимают центральное место в мифопоэтической модели мира, ибо являются символами, сложным образом соотносимыми с природой индивида [Топорова 1996, 6]. Выход на картину мира осуществляется посредством выявления основных семантических сфер, в которые вписываются компоненты двучленных антропонимов, – “пространство и время”, “космология”, “мир вещей”, “социально-юридическая сфера” и т.п. В результате выделяются специфические черты модели мира: *мифологизация* (конституирование компонентов онама на основе фундаментальных для архаичного мифопоэтического сознания бинарных оппозиций, например свой – чужой), *идеализация* (подчеркивание положительных моментов и сокрытие отрицательных), связанная с *героизацией*, влиянием героической поэзии на формирование семантики имен собственных [там же, 132]. Ценность данного исследования значительно повышает произведенное автором сопоставление древнегерманских двучленных имен собственных и их аналогов в других индоевропейских языках – славянских, балтийских, греческом и т.д. Итогом такого анализа стал эскиз структуры модели мира, образуемый элементами двучленных имен собственных трех индоевропейских ареалов [там же, 239].

В работах Т.П. Егоровой, которые также выполнены на материале германской ономастики [1988; 1989; 1991; 1993], динамика типов ономастической номинации вписывается в

динамический процесс духовной жизни общества. К примеру, автор считает, что в архаичных антропонимиконах могут быть выделены *дезиративы*, *дескриптивы* и *меморативы*, причем каждый из этих типов связан с периодом социально-культурной жизни, который характеризуется определенными представлениями о функции имени в обществе, отражающей состояние духовной жизни и общественных структур [Егорова 1993, 25]. Что касается ономастиконов более позднего времени, то для их рассмотрения автор использует понятие *стиля эпохи*. При этом ставится задача изучения образа автора имени, эстетической установки, компонентов семантического представления и образа адресата [Егорова 1991, 68]. Для того, чтобы понятие *стиля эпохи* “работало”, исследовательнице приходится обращаться к фактам искусственной номинации – названиям городских улиц. К примеру, “эстетика романтизма, наполненная воспроизведением отвлеченных идей и прославлением личности, присваивающей себе безусловные ценности вплоть до божественных, находит отражение в мемориально-эмблематической тенденции именования”, а наблюдающийся в последнее время процесс увеличения компактности урбанонимических систем трактуется автором в русле американского прагматизма [Егорова 1993, 26–27].

М.Э. Рут в своем исследовании обращается к более сложному (с точки зрения эксплицитности/имплицитности установок субъекта номинации), чем урбанонимия, материалу – русской народной ономастике, поставив задачу реконструкции картины мира ее создателей (в данном случае – севернорусских крестьян, ибо в работе анализируется топонимия, антропонимия и астронимия Русского Севера). В центре внимания автора не весь ономастический континуум, а только результаты образной номинации, которая “активна в аккумуляции информации об объекте и субъекте номинации” [Рут 1992, 45] и, следовательно, “всегда национально-специфична в том смысле, что закрепляет в себе исторически сложившуюся в сознании народа-субъекта номинации картину мира” [там же, 127–128]. Автором используется оригинальный способ описания картины мира, при котором модели образного отождествления выстраиваются в иерархию образных предметных сфер – “Человек”, “Семья”, “Дом и двор”, “Деревня”, “Непосредственное природное окружение (лес, река)”, “Внешний мир” [там же, 52]. Сопоставляя наполненность различных сфер отождествления (выявив, в частности, приоритет сферы “Дом”, слабую активность сферы “Внешний мир”), автор приходит к выводу о том, что русская национальная образная система основана на концептуальной модели мир = дом [там же, 128]; таким образом, можно говорить о “земледельческом” типе образной номинации. Интересной и продуктивной представляется разработка динамики концептуальных установок субъекта: по мнению автора, исходная номинативная модель основана на мифологической картине мира, где главенствуют антропо- и зооморфные образы, отражающие отождествление природы и человека. “Разработка этих исходных образов шла в направлении все большего учета хозяйственной, практической деятельности человека, в результате чего модель “природа – человек” постепенно приобретала вид “природа – результаты хозяйственной деятельности человека”, при этом потребность в детальной разработке образных сфер дробила и расчленяла общую космологическую картину, превращая ее в набор гносеологически важных эталонов. Христианизация привела к уничтожению концептуальных основ исходной мифологической модели, и уже выработавшиеся на основе последней образы-модели продолжили свое развитие чисто автоматическим” [там же, 97–98]. Итак, данное исследование является новаторским в том смысле, что в нем рассматривается обширный массив онома разных разрядов с точки зрения закономерностей концептуальной организации ономастикона – а это позволяет не просто фиксировать факт прямого отражения в имени элементов духовной культуры народа, но и создать интерпретационную модель последней.

Важным вкладом в изучение имен собственных с культуроведческих позиций является работа М.В. Голомидовой [Голомидова 1998]. Несмотря на то, что это исследование базируется на материале искусственной ономастики, весьма далеко от традиционной области этнолингвистических исследований, в нем содержится разработка концепта “онома”, вы-

полненная с учетом культурного контекста, определяющего появление имени. В этом смысле весьма значимым представляется положение о наличии такого компонента значения имени, как фреймовая семантика (к примеру, выделяются фреймы, связанные со знанием этнокультурной принадлежности антропонима; ритуальные фреймы, под действием которых происходит крещение, принятие сана или пострига; фреймы социальной мимикрии, предполагающие знание общих условий совершения успешных действий, в соответствии с которым происходили, например, акты смены фамилий после революции 1917 года, и др.) [Голомидова 1998, 23–27]. Рассматриваемые в работе классы онома – топонимы и антропонимы – анализируются как в собственно лингвистических, так и в ментальных параметрах; развитие ономастической номинации изучается в контексте истории культуры. В исследовании также отчетливо представлен прагматический аспект, предполагающий понимание ономастической номинации как особой модели речевого поведения. Таким образом, в данной работе осуществляется разностороннее описание имен собственных с позиций дисциплин “антропоцентрической” (культуроведческой) направленности.

Подведем итоги.

Традиции историко-культурного изучения собственных имен можно считать четко обозначенными в отечественной науке [ср. некоторые из работ, появившихся в последнее десятилетие: Агеева 1989; Бабичева, Черепанова 1992; Бербеков 1996; Карабан 1993; Картавенко 1993; Керимбаев 1991; Климова 1990; Кондратова, Фещенко 1993; Косничану 1993; Мамонтова 1993; Мамонтова, Муллонен 1993; Мурзаев 1996; Успенский 1989; Щетинин 1993 и др.]. Развитию этого направления весьма способствует и появление ономастических словарей, имеющих, помимо собственно лингвистической, культурно-историческую направленность [например: Матвеев 1987, 1990, 1997; Русская ономастика и ономастика России 1994]. Поставив задачу историко-культурного изучения собственных имен, ономасты, как правило, сосредотачиваются на проблемах отражения в ономастике особенностей материальной культуры, бытового уклада, социальных отношений и т.п. Значительно реже внимание ученых оказывается привлеченным к вопросам кодирования в топонимии информации о духовной культуре народа, являющейся объектом этнолингвистического исследования. Такая информация оказывается соположенной сведениям “материально-этнографического” характера. К примеру, Д.Р. Амирова, оперирующая термином *этнографический топоним*, включает в этот разряд следующие группы названий: а) этнографические топонимы, образованные от прилагательных со значением качества (размер, цвет и т.п.); б) этнографические топонимы, образованные от этнонимов и патронимов; в) этнографические топонимы, образованные от слов и терминов, отражающие мифологические и религиозные взгляды народа; г) этнографические зоотопонимы; д) этнографические фитотопонимы; е) этнографические топонимы, образованные от личных имен, прозвищ людей, слов, обозначающих социальное положение в обществе и т.п. [Амирова 1992, 9–15]. Этот перечень приблизительно соответствует традиционно выделяемому ономастами набору “культурных” тем. Признавая закономерность и значимость подобной постановки вопроса и несомненную ценность таких исследований (которых проведено пока, к сожалению, очень мало), всё же укажем, что духовная культура не должна изучаться по тем же канонам, что и материальная: если последняя имеет четко выраженные формы проявления, которые могут быть манифестированы конкретными лексическими группами, то духовная культура формирует основы картины мира, являясь кристаллической решеткой, определяющей возникновение последней. Поэтому этнолингвистическое изучение *nomina propria* не может сводиться к описанию одной-двух (или больше – см. представленный выше перечень Н.К. Фролова) лексических групп, оно должно затрагивать концептуальные основы организации именника.

В настоящее время контуры этнолингвистического аспекта изучения имен собственных еще только начинают прорисовываться; этот аспект ономастических исследований нельзя считать ни теоретически, ни методологически разработанным, ср.: “Необходимо от-

метить, что в сфере этнологического изучения онимов сделано еще очень мало” [Копыленко 1995, 58]. Можно назвать только одну этнолингвистическую проблему, которая ставилась не в одной, а в нескольких публикациях (и при этом, конечно, не может считаться исчерпанной), – это проблема отражения в ономастике мифологических (религиозных) представлений народа [см.: Летова 1988; Минкин 1993; Муллонен 1991, 1995; Мурзаев 1993; Терехин 1991; Толстой 1989]. “Робость” ономастов в разработке этнолингвистической проблематики сказывается и в том, что многие публикации носят только “тезисный” характер (нам пришлось включить их в обзор, чтобы хотя бы обозначить направление исследовательского поиска).

В то же время ономастика и этнолингвистика “нужны друг другу”. С одной стороны, ономастический (особенно топонимический) материал может стать хорошим полигоном для совершенствования методики этнолингвистического анализа: его методическая корректность и надежность обеспечивается как экстралингвистически – территориальной закрепленностью объектов номинации, этническим и социальным единством создателей топонимии определенной территории, так и лингвистически – высоким уровнем “моделируемости” материала, свидетельствующим об отработанности норм узуализации, и консерватизмом традиционных топонимических моделей. С другой стороны, этнолингвистические исследования весьма важны для совершенствования и обновления семантического изучения топонимии, несколько зашедшего в тупик “отапеллятивных” классификаций. Наверное, вследствие ощущения этого тупика у “практикующих” ономастов в настоящее время “создается впечатление, что бурное развитие ономастики в предыдущие годы сменилось топтанием на месте” [Гусынина 1996, 238].

Этнолингвистические разыскания в области топонимистики не следует ограничивать работами лингвострановедческого плана, которые зачастую основаны на внешнем рассмотрении не всего ономастического континуума, а отдельных “меченых атомов” – имен, обладающих “особой” известностью. При этом затруднителен выход на концептуальные установки создателей имен, организующие семантическое пространство ономастикона. Исследования, направленные на выявление этих установок, начинают появляться – и, думается, будущее за ними.

Список литературы

- Агеева Р.А. Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. М., 1989. 256 с.
- Амирова Дж. Р. Этнографические топонимы Азербайджана: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1992. 21 с.
- Аникина М.Н. Лингвострановедческий анализ русских антропонимов: (Личное имя, отчество, фамилия): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1988. 14 с.
- Арсланов Л.Ш. Этнолингвистические пласты в топонимии Малмыжского уезда // Вятская земля в прошлом и настоящем: (К 125-летию со дня рождения П.Н. Луппова): Тез. докл. и сообщ. II науч. конф. Киров, 1992. Т.2. С. 5–13.
- Афанасьев А.П. Топонимические пласты и историко-культурные срезы // Исторические названия – памятники культуры: Тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч.-практ. конф. М., 1989. С.10–11.
- Бабичева Е.С., Черепанова Е.А. Топонимы как составная часть культурно-исторического наследия Сумщины // Язык и культура: I Междунар. конф.: Мат.-лы. Киев, 1992. С.86–87.
- Белая В.И., Зайченко Н.Ф. Культуроведческий потенциал онимов в текстах по истории // Язык и культура: I Междунар. конф.: Мат.-лы. Киев, 1992. С.128–129.
- Бербеков Б.Ч. Отражение некоторых элементов национальной культуры в национальном языке: (На материале кабардинских антропонимов) // Социоллингвистические проблемы в разных регионах мира: Мат.-лы Междунар. конф. М., 1996. С.74–77.
- Бирилло Н.Ж. Специфика ассоциаций, вызываемых общеизвестными антропонимами, у носителей литовского и русского языка // Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики: Тез. докл. и сообщ. междунар. науч. конф. Екатеринбург, 1995. С. 57–58.

⁴ Это далеко не абсолютно, так как топонимикон являет собой сложное переплетение различающихся в социальном и временном плане продуктов номинативной деятельности, однако такое единство более ощутимо в топонимии, чем, скажем, в диалектной лексике, где возможности “миграции” языковых фактов наиболее реальны.

- Бондалетов В.Д. К обоснованию лингвострановедческого словаря "Русские имена" // Материалы к серии "Народы и культуры". Вып. 25: Ономастика. Кн. 1. Имя и культура. М., 1993. Ч. 1. С. 78–81.
- Варникова Е.Н. Отражение элементов духовной культуры русского крестьянства в севернорусской топонимии: (По данным топонимии Среднего Посухонья) // Проблемы региональной русской филологии: Тез. докл. и сообщ. Вологда, 1995. С. 113–115.
- Васильева С.П. Топонимия старой сибирской деревни // Материалы Международного съезда русистов в Красноярске: В 2 т. Красноярск, 1997. Т. 1. С. 113–115.
- Верзун Э.М. Верификация символической нагруженности топонимов // Теория верификации лингвистических отношений. М., 1988. С. 25–37.
- Верещагин Е.М. Топонимическое лингвострановедение // Исторические названия – памятники культуры: Сб. мат-лов II Всесоюз. науч.-практич. конф. М., 1991. Вып. 1. С. 44–46.
- Герд А.С. Введение в этнолингвистику: Учеб. пос. СПб., 1995. 91 с.
- Голомидова М.В. Искусственная номинация в ономастике. Екатеринбург, 1998. 232 с.
- Горбаневский М.В. Из опыта культурно-исторического анализа ойконимии: русские ойконимы и православие // Топонимия и общество. М., 1989. С. 11–34.
- Горбаневский М.В. Национальные образы в топонимии Москвы // Топонимика и межнациональные отношения. М., 1991. С. 25–40.
- Горбаневский М.В. Русская городская топонимия: проблемы ист.-культурного изучения и современного лексикографического описания: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Ин-т рус. яз. им. АСП. М., 1994. 39 с.
- Горбаневский М.В. Русская городская топонимия: Методы историко-культурного изучения и создания компьютерных словарей. М., 1996. 304 с.
- Городские имена сегодня и вчера: Ленинградская топонимика / Сост. С. Алексеева, А. Владимирович, А. Ерофеев и др. Л., 1990. 160 с.
- Гурская Ю.А. Личное имя как особый языковой знак // Язык и культура: Докл. и тез. докл. III Междунар. конф. Киев, 1994. С. 63–65.
- Гурская Ю.А. Ключевые имена национальных культур как свернутые диахронические национально-культурные тексты // Язык и культура: Мат-лы IV Междунар. конф. М., 1996. Ч. 2. С. 53–59.
- Гусынина Е.Б. Ономастика на рубеже веков: состояние, перспективы // Филология на рубеже XX–XXI веков: Тез. Междунар. науч. конф., посвященной 80-летию Пермского университета. Пермь, 1996. С. 238–239.
- Данильченко А.В. О культурном потенциале семантики топонимов // Язык и культура: Тез. II Междунар. конф. Киев, 1993. Ч. 1. С. 83–84.
- Дукельский В.Ю. Топонимы в структуре культурно-исторической среды // Всесоюз. науч.-практич. конф. "Исторические названия – памятники культуры". М., 1989. С. 110–111.
- Егорова Т.П. Названия улиц в семиотическом аспекте общности стилей (на материале скандинавских и английских урбанонимов) // Ономастика. Типология. Стратиграфия. М., 1988. С. 112–120.
- Егорова Т.П. Хорошее имя – хороший знак // Исторические названия – памятники культуры: Тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч.-практич. конф. М., 1989. С. 103.
- Егорова Т.П. Имя – импульс культуры // Исторические названия – памятники культуры: Сб. мат-лов II Всесоюз. науч.-практич. конф. М., 1991. Вып. 2. С. 68.
- Егорова Т.П. Семиотическая функция имени // Материалы к серии "Народы и культуры". М., 1993. Вып. 25, кн. 1, ч. 1. С. 21–28.
- Живоглядов А.А. Механизмы двойной референции в образовании культурных антропонимов и топонимов // Материалы к серии "Народы и культуры". М., 1993. Вып. 25, кн. 1, ч. 1. С. 12–20.
- Журавлев А.Ф. Аксиологические аспекты изучения праславянского словаря // Язык и культура: Тез. докл. и сообщ. II междунар. конф. Киев, 1993. Ч. 1. С. 114–115.
- Журавлев А.Ф. Русская "микроэтнонимия" и языковое самосознание // Этническое и языковое самосознание: Мат-лы конф. М., 1995. С. 49–51.
- Имя и этнос: Сб. науч. труд. М., 1996. 188 с.
- Имя – этнос – история: Сб. науч. тр. М., 1989. 202 с.
- Исторические названия – памятники культуры: Тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч.-практ. конф. М., 1989. 182 с.
- Исторические названия – памятники культуры: Сб. мат-лов II Всесоюз. науч.-практ. конф. М., 1991. Ч. 1–3. 215 с.
- Исторические наименования – память народа: Тез. регион. науч.-практич. конф. 29–30 мая 1990 г. Горький, 1990. 91 с.
- Карабан В.И. Антропонимика как элемент культуры (к проблеме этнической принадлежности причерноморских готов) // Язык и культура: II Междунар. конф.: Тез. докл. Киев, 1993. Ч. 1. С. 78–79.
- Картавенко В.С. Названия деревень как памятники истории и культуры края // Слово в синхронии и диахронии: Лексико-семантический аспект. Тверь, 1993. С. 159–164.
- Керимбаев Е.А. Типы ономастической номинации и национальная культурная традиция в именовании географических объектов // Исторические названия – памятники культуры: Сб. мат-лов II Всесоюз. науч.-практич. конф. М., 1991. Вып. 2. С. 82.
- Керт Г.М. Топонимное видение народа: (На мат-ле саамской топонимии) // Этническое и языковое самосознание: Мат-лы конф. М., 1995. С. 70–72.

- Климкова Л.А. Топонимическая система региона как отражение истории страны //Исторические наименования – память народа: Тез. регион. науч.-практич. конф. Горький, 1990. С. 34–37.
- Кондратова С.Г., Фещенко В.В. Имена и их связь с культурой народа //Язык и культура: Тез. докл. II Междунар. конф. Киев, 1993. Ч. 1. С.32–33.
- Копыленко М.М. Основы этнолингвистики. Алматы, 1995. 178 с.
- Косничану М. Антропоним в социально-культурном контексте //Мат-лы к серии “Народы и культуры”. М., 1993. Вып. 25, кн. 1, ч. 1. С.226–230.
- Кривога Н.И. Микротопонимия с. Васильевка Грибановского района Воронежской области //Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1997. Вып. 22. С. 55–59.
- Кузнецов А.М. Семантика лингвистическая и нелингвистическая, языковая и неязыковая (вместо введения) //Лингвистическая и экстралингвистическая семантика: Сб. обзоров. М., 1992. С. 5–27.
- Мамонтова Н.Н. Имя и национальная культура //Мат-лы к серии “Народы и культуры”. М., 1993. Вып. 25, кн. 1, ч. 1. С.47–57.
- Леонович О.А. Топонимы как источник культуроведческой информации // Исторические названия – памятники культуры: Сб. мат-лов II Всесоюз. науч.-практич. конф. М., 1991. Вып. 2. С. 94.
- Летова И.А. Семантическое противопоставление “святой” – “черт” в топонимии Русского Севера //Этимологические исследования. Свердловск, 1988. Вып. 4. С.105–118.
- Мамонтова Н.Н., Муллонен И.И. Топонимика в контексте народной культуры //Традиционная культура: общечеловеческое и этническое. Проблемы комплексного изучения этносов Карелии. Петрозаводск, 1993. С.36–40.
- Матвеев А.К. Географические названия Урала: Краткий топонимический словарь. Свердловск, 1987. 208 с.
- Матвеев А.К. Вершины Каменного Пояса: Названия гор Урала. 2-е изд., перераб. и доп. Челябинск, 1990. 288 с.
- Матвеев А.К. Географические названия Тюменского Севера: Краткий топонимический словарь. Екатеринбург, 1997. 192 с.
- Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. 25: Ономастика. Кн. 1. Имя и культура. М., 1993. Ч. 1. 250 с.
- Мезенко А.М. Урбанизмы как зеркало формирования языкового сознания //Этническое и языковое самосознание: Мат-лы конф. М., 1995. С. 95–97.
- Минкин А.А. Старинные топонимы как исторические свидетельства (на примерах польской топонимики) // Исторические названия – памятники культуры: Тез. Всесоюз. научно-практ. конф. М., 1989. С.54–55.
- Минкин А.А. О саамских этнопонимах //Этническая топонимика. М. 1987. С.92–103.
- Минкин А.А. Отражение в саамской топонимии божества, обрядов, верований // Исторические названия – памятники культуры: Сб. мат-лов II Всесоюз. науч.-практич. конф. М., 1991. Вып. 2. С. 106.
- Минкин А.А. Русская святость в московской топонимии //Топонимия России. М., 1993. С.88–93.
- Митрофанов В.А. О национально-культурной принадлежности наследственных антропонимов (на примере определения понятия “русские фамилии”) //Язык и культура: Мат-лы I межд. конф. Киев, 1992. С.85–86.
- Муллонен И.И. Мифологические мотивы вепской топонимии // Исторические названия – памятники культуры: Сб. мат-лов II Всесоюз. науч.-практ. конф. М., 1991. Вып.2. С.116.
- Муллонен И.И. “Святые” гидронимы в контексте вепско-русского контактирования //Ономастика Карелии: Проблемы взаимодействия разноязычных ономастических систем. Петрозаводск, 1995. С.17–28.
- Мурзаев Э.М. Образ места //Русская речь. 1993. №1. С.99–106; №2. С.91–98; №3. С.87–91; №4. С.88–93.
- Мурзаев Э.М. Тюркские географические названия. М., 1996. 254 с.
- Мусабекова Н.Ч. Этнолингвистический анализ тюркских (кыпчакских) гидронимов Азербайджана //Этническая топонимика. М., 1987. С.69–78.
- Нерознак В.П. Названия древнерусских городов. М., 1983. 207 с.
- Нерознак В.П. Старый и новый именослов (о ист.-культ. ценности имени собственного) // Исторические названия – памятники культуры: Тез. Всесоюз. науч.-практ. конф. М., 1989. С.61–63.
- Нерознак В.П. Ономастика как составная часть лингвокультурологии //Ономастика Поволжья: Мат-лы VII конф. поволжских ономастологов. Волгоград, 1995. С. 4–6.
- Нерознак В.П., Горбаневский М.В. Советский “новояз” на географической карте: (О штампах и стереотипах речевого мышления). М., 1991. 64 с.
- Ощепкова В.В. Культурологические, этнографические и типологические аспекты лингвострановедения: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М.: Моск. пед. ун-т, 1995. 35 с.
- Попов С.А. Отражение русской ментальности в географических названиях //Русский язык, культура, история: Сб. мат-лов II науч. конф. лингвистов, литературоведов, фольклористов. М., 1997. Ч. 1. С. 206–207.
- Посталов Е.М. Имена городов: вчера и сегодня (1917 – 1992): Топонимический словарь. М., 1993. 248 с.
- Русская ономастика и ономастика России: Словарь /Под ред. О.Н. Трубачева. М., 1994. 288 с. («Русская энциклопедия»).
- Рут М.Э. Образная номинация в русском языке. Екатеринбург, 1992. 148 с.
- Смолицкая Г.П. Об одном этническом аспекте топонимии //Этническая топонимика. М., 1987. С. 23–28.
- Смолицкая Г.П. Культурно-исторический аспект ономастического словаря //Историко-культурный аспект лексикографического описания русского языка. М., 1995. С.102–113.
- Суперанская А.В. Социальность географических названий и переименования //Центральночерноземная деревня: история и современность: Тез. докл. и сообщ. М., 1992. С. 105–108.

- Теребихин Н.М.* Сакральная топонимия Русского Севера (К постановке проблемы) // Вопросы топонимики Подвинья и Поморья. Архангельск, 1991. С.24–34.
- Теребихин Н.М.* Сакральная география Русского Севера (Религиозно-мифологическое пространство севернорусской культуры). Архангельск, 1993. 223 с.
- Теребихин Н.М.* Мифология островной культуры Русского Севера // Смерть как феномен культуры. Сыктывкар, 1994. С. 107–115.
- Толстой Н.И.* Мифология имени собственного // Исторические названия – памятники культуры: Тез. докл. Всесоюз. науч.-практ. конф. М., 1989. С. 84–85.
- Толстой Н.И., Толстая С.М.* О словаре “Славянские древности” // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под ред. Н.И. Толстого. Т. 1: А–Г. М., 1995. С. 5–12.
- Толстой Н.И., Толстая С.М.* Этнолингвистика в современной славистике // Лингвистика на исходе XX века: Итоги и перспективы: Тез. Междунар. конф. М., 1995. Т. 2. С. 488–489.
- Томахин Г.Д.* Топонимы США в лингвострановедческом аспекте // Топонимия и общество. М., 1989. С.82–98.
- Томахин Г.Д.* Национально-культурные ассоциации географических названий // Исторические названия – памятники культуры: Сб. мат-лов II Всесоюз. науч.-практ. конф. М., 1991. Вып. 3. С. 165.
- Топонимия и общество* / Отв. ред. Е.М.Поспелов, Р.А. Агеева. М., 1989. 123 с.
- Топоров В.Н.* Имя как фактор культуры (на злобу дня) // Исторические названия – памятники культуры: Тез. докл. Всесоюз. науч. конф. М., 1989. С. 125–129.
- Топоров В.Н.* Об одной топонимической катастрофе // Исторические названия – памятники культуры: Сб. мат-лов II Всесоюз. науч.-практ. конф. М., 1991. Вып. 1. С.9–18.
- Топоров В.Н.* Праславянская культура в зеркале собственных имен (элемент MIR) // История, культура, этнография и фольклор славянских народов: XI Междунар. съезд славистов. Доклады российской делегации. М., 1993. С. 109–118.
- Топорова Т.В.* Язык в зеркале культуры: древнегерманские дауцленные имена собственные. М., 1996. 253 с.
- Успенский Б.А.* Социальная жизнь русских фамилий: (Вместо послесловия) // Унбегаун Б. Русские фамилии: Пер. с англ. М., 1989. С. 336–364.
- Фролов Н.К.* Отражение понятий духовной культуры в региональной системе русской топонимии // Материалы по русско-славянскому языкознанию: Лексические и лексико-грамматические исследования. Воронеж, 1984. С.90–94.
- Черепанова Е.А.* Этнолингвистическая стратиграфия топонимии Северо-Восточного Полесья Украины // Исторические названия – памятники культуры: Сб. мат-лов II Всесоюз. научно-практич. конф. М., 1991. Вып. 3. С. 173.
- Шабанова А.Б.* О национально-культурной семантике фольклорной ономастики // Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. Воронеж, 1994. С. 68–76.
- Шишкина И.П.* Языковая картина мира в характерологически антропонимах: (На материале современного немецкого языка) // Языковая картина мира: Мат-лы Всерос. конф. Кемерово, 1995. С. 21–22.
- Шнеттер М.Х.* Универсальное и национальное в значениях немецких антропонимов // Психоллингвистика и межкультурное взаимопонимание: Тез. докл. X Всесоюз. симпозиума по психоллингвистике и теории коммуникации. М., 1991. С. 334–336.
- Щетинин Л.М.* Об историческом влиянии регионального культурного фона на развитие антропонимии Подонья // Мат-лы к серии “Народы и культуры”. М., 1993. Вып. 25, кн. 1, ч. 1. С. 81–90.
- Этническая топонимика* / Отв. ред. Е.М. Поспелов, Г.П. Смолицкая. М., 1987. 143 с.